

ТРАДИЦИОННЫЕ МОТИВЫ В СЮЖЕТЕ О СВАТОВСТВЕ В ЭПОСЕ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

© 2019 г. Л. С. Дампилова

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН,
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6
ORCID: 0000-0003-0917-5432.
dampilova_luda@rambler.ru

© 2019 г. Е. Э. Хабунова

доктор филологических наук, профессор,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
Россия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11
ORCID: 0000-0002-2113-6877.
khabunova@mail.ru

© 2019 г. Н. Н. Николаева

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН,
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6
ORCID: 0000-0002-4903-7387.
natanika80@mail.ru

© 2019 г. Заяасурэн Чулуун

кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института языка и литературы Монгольской академии наук,
Монголия, 13330, г. Улан-Батор, пр. Жукова, д. 54А
zayasuren_ch@yahoo.com

Дата поступления материала в редакцию: 13 июня 2019 г.

Дата публикации: 31 августа 2019 г.

TRADITIONAL MOTIVES OF THE COURTSHIP PLOT IN THE EPOS OF THE MONGOLIC-SPEAKING PEOPLES

© 2019 Ludmila S. Dampilova

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670047, Russia
ORCID: 0000-0003-0917-5432.
dampilova_luda@rambler.ru

© 2019 Yevdokia E. Khabunova

Doct. Sci. (Philol.), Professor,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
11 Pushkin Str., Elista, 358000, Russia
ORCID: 0000-0002-2113-6877.
khabunova@mail.ru

© 2019 Natalia N. Nikolaeva

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanov Str., Ulan-Ude, 670047, Russia
ORCID: 0000-0002-4903-7387.
natanika80@mail.ru

© 2019 Zayasuren Chuluun

Cand. Sci. (Philol.),
Associated Researcher at the Institute of Language and Literature
of the Mongolian Academy of Sciences,
54A Zhukov Avenue, Ulaanbaatar, 13330, Mongolia
zayasuren_ch@yahoo.com

Received: June 13, 2019

Date of publication: August 31, 2019

Резюме. В статье впервые рассматриваются в сравнительном аспекте традиционные мотивы, присутствующие в сюжете о сватовстве, являющемся в эпосе монгольских народов одним из архаичных и обязательных сюжетов. Актуальным и значимым представляется выявление единых сюжетообразующих мотивов для исследования генезиса и развития эпических текстов, восходящих к одной этнической традиции. Методологической основой исследования послужили структурный и компаративистский методы анализа категории мотива и сюжета в эпических текстах. В итоге исследования выявлены традиционные устойчивые сюжеты и мотивы в эпосе монгольских народов, трансформация семантики мотива в разных локальных традициях. Определены ключевые мотивы с их инвариантами и вариантами, которые встречаются практически во всех эпических сюжетах о сватовстве. Установлено, что сохранились единичными наиболее древние мотивы, имеющие формульную устоявшуюся конструкцию. Также определены вставные и побочные мотивы, имеющие отношение к сюжету о сватовстве.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта “Аннотированный каталог традиционных мотивов эпоса монгольских народов” № 18-512-94006 МОКНМ_а.

Ключевые слова: фольклор, героический эпос, мотив, инвариант мотива, формула.

Abstract. The authors consider, from the comparative perspective, the traditional motives integral to a wooing plotline, which has ancient origins and is indispensable to the epics of the Mongolian people. Exposure of common plot-forming motives is important for the study of the genesis and development of epic texts having roots in the same ethnic tradition. The structural and comparative methods are employed here to analyze the category of motif and plot in epic texts. As a result, the authors offer a list of traditional and recurrent (stable) plotlines and motives in the epics of the Mongolian people and describe the transformation of the motif's semantics in different local traditions. Key motives with their invariants and variants, found in almost all epic renderings of marriage engagements, are defined. It has been concluded that the most ancient motives, having an established formulaic structure, have remained common for all Mongolian people. Some inserted and auxiliary motives, relating to the plotline of marriage engagement, are also identified.

The research was carried out with financial support from RFBR as part of the project “18-512-94006 MECSM_a”.

Keywords: folklore, heroic epic, motif, invariant of the motif, formula.

Для цитирования: Дампилова Л. С., Хабунова Е. Э., Николаева Н. Н., Заяасурэн Чулуун Традиционные мотивы в сюжете о сватовстве в эпосе монгольских народов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 4. С. 72–78. DOI: 10.31857/S241377150006113-7

For citation: Dampilova, L.S., Khabunova, E.E., Nikolaeva, N.N., Zayaasuren Chuluun *Traditsionnye motivy v syuzhete o svatovstve v epose mongolskikh narodov* [Traditional Motives of the Courtship Plot in the Epos of the Mongolic-Speaking Peoples]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2019, Vol. 78, No 4, pp. 72–78. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150006113-7

DOI: 10.31857/S241377150006113-7

Эпосы монгольских народов сохраняют сведения о ранних видах брака, о дальнейших изменениях в брачных ритуалах на всем протяжении эпической истории. В них можно найти остатки брачных обычаев периода материнского рода, промискуитетных и инцестуальных отношений, становление патрилокального экзогамного брака с преодолением эндогамии, разные формы сватовства и т.д.

В данной статье впервые рассматриваются в сравнительном аспекте традиционные мотивы, присутствующие в сюжете о сватовстве, являющиеся в эпосе монгольских народов одним из архаичных и обязательных сюжетов. Без преувеличения можно сказать, что поиски невесты, сватовство и женитьба героя-богатыря составляют основную сюжетную канву в большом количестве эпических текстов. Актуальным и значимым представляется выявление единых сюжетобразующих мотивов для исследования генезиса и развития эпических текстов, восходящих к одной этнической традиции. Методологической основой исследования послужили структурный и компаративистский методы анализа категории мотива и сюжета в эпических текстах с учетом опыта их применения в трудах О.М. Фрейденберг, Г.А. Левинтона, Б.Н. Путилова, Е.М. Мелетинского, И.В. Силантьева, С.Ю. Неключдова, В.И. Тюпы и др.

Из многочисленных концепций теоретической и сравнительно-исторической поэтики по определению связи сюжета и мотива в нашем исследовании придерживаемся идеи о сюжетобразующем потенциале мотива на основе дихотомического подхода. По мнению И.В. Силантьева, именно “дихотомическая концепция мотива явилась одним из наиболее значительных теоретических достижений современной нарратологии” [1, с. 49]. В выявлении традиционных мотивов в эпосе монгольских народов учитывается способность мотива “к изменению, варьированию, трансформациям”, в то же время “многообразные варьируемые мотивы может быть сведено <...> к инварианту

мотива” [2, с. 140]. В работе при структурировании мотива имеем в виду тематический и инвариантно-семантический принципы классификации.

В ранних эпических текстах женитьба героя-богатыря, в образе которого сконцентрирован весь род, представлена как главная цель, и кульминацией является потенциальное продолжение рода. В эпосе монгольских народов сюжет о сватовстве в целом развивается последовательно по схожей структурной схеме. Когда богатырь решает, что пришла пора жениться, одинаково во всех эпосах начинается процесс поиска невесты.

В бурятских сказаниях наиболее часто присутствуют мотивы узнавания о невесте из книги (судьбы, священной, материнской) или от родственников. Предсказатели определяют трудности похода за невестой и ее чудодейственные способности: “Хабталжан Мэргэн хубун из желтой книги судьбы узнает, что его суженая-нареченная Шажгай Тайжи, дочь хана Саган Гэрэла, одного из трех Шаралинских ханов” [3, с. 100]; “Далеко на севере, на земле, куда ехать десять лет, Баян Мунко хана дочь Тарбажи Гохон, умерших оживляет, обедневших богатыми делает, такая прекрасная девица может стать его суженой” [4, с. 15]; “Девица Гургалдай Сэсэг абхай живет прямо на восточной стороне, в далеком краю Зугээ до которого тридцать лет пути” [5, с. 117–118].

В монгольской эпической традиции сохраняется традиционный мотив узнавания места пребывания невесты от родственников: “Богатырь узнает от хана о суженой, которая находится далеко” [6, с. 255]. Если в бурятской традиции более поздним мотивом можно считать книгу судеб, то в монгольском эпосе применяется мотив узнавания от коня: “Богатырский конь сообщает о необходимости отправиться в восточном направлении, чтобы сосватать Навч Герел, дочь Наран Герел хана” [7, с. 69]. Во всех эпических традициях монгольских народов присутствуют варианты мотива о коне-помощнике, в бурятских сказаниях этот мотив определяется как более позднего происхождения.

В синьцзян-ойратском эпосе появляется мотив узнавания о суженой из разгадки сна: "...через три года предстоит сватовство Урмн Цецен даг-ни" [8, с. 42]; "богатырю Хонгору во сне является старец и говорит о его суженой Зандн" [8, с. 478]. В фольклоре монгольских народов традиционным является мотив узнавания нужных сведений из сна. Возможно, это более ранний мотив по сравнению с обычным сватовством как в следующем примере: "Джангар сам решает засватать Хонгору невесту Шар Начн" [8, с. 471].

Итак, можно определить в мотиве узнавания о невесте инвариантом мотив узнавания от родственников с вариантами более позднего происхождения: из книги судеб, при разгадке сна, от коня. В ходе сравнения единых инвариантных мотивов имеем в виду, что "мотив как таковой есть обобщение содержательно подобных событий" [1, с. 12].

Следующим сюжетным разделом является подготовка богатыря для отправления в дорогу. Здесь обязательными являются мотивы надевания одежды, доспехов и оружия. В бурятской традиции распространено подробное описание всей одежды и доспехов героя: "Хабталжан Мэргэн хубун надевает сандалово-черные шаровары, сандалово-черные сапоги, дэгэл из плотного шелка с поясом серебряным, соболю летучую шапку" [3, с. 93]; "Еренсей будай-серебряный колчан на правый бок привесил, девяносто пять стрел прикрепил, семьдесят пять стрел приткнул, хангайскую черную стрелу приткнул, тонко-серебряный налучник привесил, бухарский желтый лук в налучник засунул" [9, с. 36]. Думается, более древней и обобщенной является формула: "Герой надел без изына, без пылинки тринадцать одеяний, тринадцать панцирей" [4, с. 10].

В монгольской и синьцзян-ойратской традиции основная структурная канва сюжета соответствует бурятской: "Надевает железный черный панцирь, шлем с изображением лотоса" [6, с. 255]; "Одевают Джангара в легкую воздушную рубашку" [8, с. 174]; "Хонгор надевает дорогие бархатные бешметы" [8, с. 479]; "бешмет — семь слоев" [8, с. 64]; "красные татарские сапоги" [8, с. 174]. В структурно схожих мотивах описания одежды в каждой локальной традиции имеются свои отличительные подробности: для бурятских сказаний характерно введение таких русских слов, как *шаровары*, только в синьцзян-ойратской, калмыцкой традиции употребляется слово *бешмет*, восходящее к лексике кавказских народов, в монгольском эпосе наблюдаются буддийские элементы.

Во всех эпосах особое значение имеет пир или пища героя перед дорогой. Наиболее древним

инвариантом мотива употребления пищи является мотив съедания масла паука и червяка как чудодейственной пищи, сохранившийся в бурятской традиции: "Чтоб десять лет / Не быть голодным, / Поел паучьего масла. /Чтоб двадцать лет / Не чувствовать голода, / Покушал червячьего масла" [10, с. 109]. В халхаском эпосе "Алтан Гургалдай" присутствует подобный пример, близкий к данному мотиву: "Попробовал ли пестрого червяка" [11, с. 44]. Мотив преследования врага по следам паука и червяка оказался более устойчивым и сохранился во всех исследуемых нами локальных традициях. Действительно, "так называемая 'мотивная структура' текста делает художественно значимым любой повтор семантически родственных или окказионально синонимичных подробностей внешней и внутренней жизни" [12, с. 65].

Более поздними можно считать варианты мотива употребления пищи: "Алтан Шагай сестрица на пестро-серебряный стол вкусную кровяную колбасу поставила, красную водку поставила" [3, с. 96] (бурят.); "Богатырю сварили мясо в посуде, которую не могут поднять семьдесят человек" [9, с. 53] (монг.). В приведенных примерах в бурятском эпосе дается подробное описание всего процесса, в монгольском варианте подчеркивается сила героя. Необходимо заметить, что подобная гиперболизация также присутствует в бурятском и ойратском эпосах.

Древние, единые для всех монгольских эпосов мотивы, выраженные в формульной конструкции, в неизменном виде переходя в разные локальные традиции, составляют основное структурное ядро, дополняясь характерными для собственных условий жизни нововведениями или утрачиваясь в одной из вариативных форм. Можно констатировать, что "инвариант и вариант оказываются равно традиционными, равно виртуальными образованиями устно-поэтического канона" [13, с. 163].

В сюжете о сватовстве выделяется постоянный традиционный мотив пути в сторону невесты и обратно. В мотиве пути инвариантом является встреча, в дальнейшем реализуясь в виде вариантов встречи с преградами и препятствиями на пути к этой цели, имеющих природный характер. Вариант мотива встречи преграды в эпических нарративах рассматривается как преодоление гор, рек, лесов, морей и т.д. Например, Хабталжан Мэргэн в одноименном бурятском улигере помогает Белому лесному изюбрю Орголи в его поединке с Желтым огненным змеем [3, с. 109]. В бурятских эпосах явно наблюдается древний мифологический контекст, сохранилась связь человека со всеми

живыми существами, синкретизм мышления является естественным состоянием в эпическом нарративе.

В монгольском сказании герой “продолжает путь, с трудом преодолевая пустыню, желтый, ядовитый и бурлящий океан” [9, с. 79]; “Богатырь преодолевает препятствия (осушает океан стрелой, вдребезги раскалывает скалу, срезает, будто ножами, непролазную чашу)” [9, с. 54]; “Пронзив стрелой брюхо мангаса, освобождает олётгов и урянхайцев” [9, с. 54]. В данном случае востребованы характерные для эпосов более позднего периода конкретные реалии, менее мифологизированный сюжет, значимы собственные подвиги героя для преодоления препятствий.

Во всех эпических традициях реализуется основной инвариант мотива преодоления природных препятствий на пути к невесте. В синьцзян-ойратском эпосе на пути героя возникает “огромный Черный океан, который необходимо преодолеть” [8, с. 488]. Также во всех эпических сказаниях присутствуют элементы сказочного нарратива: “На пятнадцатый день без воды, невыносимой жары и сильного ветра Үзн хан вместе с богатырским конем падают от изнеможения” [8, с. 40]; “Урмн Цецен дагни, предвидя случившееся, появляется волшебным образом, оживляет богатыря и его коня, помазав белой мазью; по ее мановению появляется живительное озеро, сама уезжает, оставив письмо” [8, с. 43].

Д.А. Бурчина, детально исследовав тематику и сюжетно-мотивный состав бурятского унгинского эпоса и анализируя сюжет типичного и пространственного улигера “Алтан Шагай”, отмечает, что в нем “принципиально новую разработку получили основные сюжетобразующие мотивы бурятского эпоса: гибели героя, похода за девой-воскресительницей, оживления героя, борьбы за суженую. Женитьба героя осложняется новым сказочным мотивом — подменой суженой — борьбой служанки, обманувшей свою госпожу (сюжетный тип ‘Служанка-обманщица — жена героя’)” [5, с. 21–22].

Аналогичная контаминация архаичных и сказочных мотивов наблюдается в хоринском варианте бурятского эпоса. Узнавание о суженой, встреча с ней в зооморфном облике, поездка и традиционное сватовство, добрачные испытания, состязания с другими героями в борьбе за невесту — все эти мотивы достаточно распространены в хоринских улигерах [14, с. 15–17]. Необходимо дополнить, что в монгольском эпосе мотивы препятствий также близки к сказочным мотивам: “Забыв про запрет, выпивает из родника и засыпает” [9, с. 81].

В мотиве пути основного героя в инварианте мотива встречи интересен вариант мотива встречи с второстепенным персонажем, чаще всего в виде антропоморфного или зооморфного мифологического персонажа. И в этом случае наблюдается следующая вариативность в бурятских сказаниях: встретившийся персонаж выступает либо в качестве чудесного помощника в деле сватовства, либо в качестве антагониста или претендента на руку невесты. В монгольском эпосе антагонистом выступает персонаж-разбойник, близкий к сказочным героям: “Появляется разбойник и протыкает отравленным рогом яка его правую ноздрю; богатырский конь не отходит от умерщвленного хозяина” [9, с. 82].

Необходимо подчеркнуть, что в бурятском эпосе более раннего периода особо востребованы древние мифологические мотивы. Встретив двух силачей — Небесного глупого силача (*Тэнгэриин тэнэг бүхэ*) и Земного бешеного силача (*Газари галзуу бүхэ*), богатырь Хабталжан Мэргэн борется с ними и побеждает [3, с. 108]. Эти силачи, а также богатыри — сыновья Солнца, Луны, Плеяд, Венеры, т.е. почитаемых небесных объектов. По поверьям, силачи имеют своих хозяев и нередко фигурируют в роли брачных соперников эпического героя. Герой либо сталкивается с ними уже по пути к невесте, либо встречает при дворе хана.

Мифологические мотивы вполне можно отнести к древним реминисценциям, имеющим широкий скрытый потенциал. С.Ю. Неклюдовым выделены мотивные слои: поверхностные и глубинные. “Поверхностный слой — это реализация мотивного элемента в тексте, тогда как глубинный слой представляет скрытое семантическое поле, широта и богатство которого, возможно, находятся в прямой зависимости от степени древности элемента” [15, с. 226–227]. Итак, в сюжете о сватовстве в эпосе монгольских народов выделен мотив пути с инвариантами мотива встречи. Инвариант мотива встречи делится на варианты встречи с преградой или второстепенным персонажем.

Следующий сюжетный ход “Пребывание богатыря в другой стране” делится на несколько этапов. В сюжете “Прибытие ко двору хана, будущего тестя” можно выделить общий инвариант мотива встречи с ханом. Обязательно в монгольском и синьцзян-ойратском эпосах герой объявляет цель прибытия [6, с. 255]; представляет себя, рассказывает о цели визита: участие в состязаниях за невесту [8, с. 184]. В бурятском эпосе привлекает внимание как вариант мотива иносказательная формула объявления цели: “Пояс мой — по следу свата, Тело мое [я] — по следу зятя!” [3, с. 109].

Здесь актуализируются элементы брачного обряда при сватовстве — обычно сваты обмениваются кушаками, поясами.

Далее по структуре сюжета идет единый мотив участия героя в брачных состязаниях или/и выполнение ханских заданий. В бурятских эпических сказаниях присутствует вставной мотив описания пира и ночевки у невесты перед заданием: “Санхан Гохон-духэй за семьдесят семь комнат его повела, там в мягкой и теплой постели, на мягкой соболей подушке крепко, и сладко, в обнимку спали они” [16, с. 39].

В каждой эпической традиции существует большое количество вариантов мотива добывания невесты. В бурятском эпосе — простое участие в трех видах состязаний с другими женихами; борьба с мангадхями — врагами хана или женихами; бытового плана — переночевать в горячих и ледяных амбарах, отделить и собрать разные виды зерна и т.д.; съездить за пером Хан Хэрдэг птицы, привести Хозяйку земли гигантскую собаку и т.д. В монгольском эпосе в инварианте мотива добывания невесты имеются свои варианты, характерные только для этой локальной традиции. Герой “разрушает пикой трехслойное сооружение (внешнее из железа, среднее из серебра, внутреннее из золота), забирает и увозит невесту” [9, с. 57].

В синьцзян-ойратском эпосе только один вид обязательного состязания имеет множество разновидностей: одной стрелой пронзить отверстие тазовой кости лисы, ствол стебля ковыля, узел шелковой нити, отверстия в клюве большой вороны [8, с. 69]; пролетевшая через ушко золотой иглы стрела должна перелететь через тысячу рек, достичь их истоков учинить пожар, потом потушить его [8, с. 458]. Таким образом, единый инвариант мотива в локальной традиции в своей вариативной многозначности имеет особые отличия.

Эпилоги процесса женитьбы героя во всех традициях состоят из развернутых и кратких этапов. В бурятской традиции зачастую хан устраивает пир, герой получает невесту с приданым и собирается домой. Далее разворачиваются единые для всех традиций мотивы обратного пути героя и победного возвращения. В этом разделе инвариантом мотива, присутствующим во всех трех рассматриваемых традициях, можно выделить “освобождение из плена родителей, поданных и скот” [6, с. 255] (монг.). В синьцзян-ойратской традиции более сказочные, фантастические варианты победы над врагами: “...в пути богатырю встречается ведьма с носом, тонким как волос” [8, с. 52] “невеста открывает золотую шкатулку, оттуда выходит железное войско и уничтожает врагов” [8, с. 520].

Завершается весь процесс сватовства единым для всех традиций мотивом “мирной и счастливой жизни” [6, с. 273]; “играют свадьбу”: [8, с. 196]; [8, с. 53]; “воздвигают дворец, государство процветает и благоденствует” [8, с. 76]. В ранних и простых сюжетах бурятских сказаний после свадебного пира богатырь возвращается домой с женой и живет счастливо. В более поздних сюжетах появляются мотивы похищения, поисков и освобождения жены, сражений с врагами, захватывающими имущество и т.д.

Нами выявлены традиционные устойчивые сюжеты и мотивы в эпосе монгольских народов, трансформация семантики мотива в разных локальных традициях. Установлены ключевые мотивы с их инвариантами и вариантами, которые встречаются практически во всех эпических сюжетах о сватовстве. Установлено, что сохранились едиными наиболее древние мотивы, имеющие формульную устоявшуюся конструкцию, в которых “исходным выступает не отдельный вариант формулы, а ее инвариантная составляющая” [13, с. 135]. Также определены вставные и побочные мотивы, имеющие отношение к сюжету о сватовстве.

В ходе исследования приходим к выводу, что архаический традиционный мотив о сватовстве эпического героя играет сюжетообразующую роль в героическом эпосе монгольских народов. Во всех исследованных традициях выявлена основная форма брака в результате героического сватовства. Эпические сказания более раннего периода нередко полностью были посвящены сватовству героя, отражая представления родового общества, в более поздних нарративах мотив сватовства, являясь значимым, начинает нивелироваться, утрачивает свой приоритет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Силантьев И. В.* Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
2. *Путилов Б. Н.* Героический эпос и действительность. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1988. 223 с.
3. *Балдаев С. П.* Буряад арадай аман зохоолой түүбэри. Улан-Удэ: Буряадай номой хэблэл, 1960. 410 н.
4. *Шаракшинова Н. О.* Улигеры бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 153 с.
5. *Бурчина Д. А.* Героический эпос унгинских бурят: Указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.
6. Бум-Эрдэнэ. Дөрвөд аман зохиолын чуулган. Сост. Б. Катуу. Улаанбаатар, 2014. 215 х.
7. Аман зохиол судлал. Сост. и предисл. У. Загдсүрэн. Улаанбаатар, 1977. 233 х.

8. Жанһр: шинжэнгин өөрд-монһлын баатрлыг дуулвр (Джангар: героический эпос синьцзянских ойрат-монголов). Элст: АПП “Джангар”, 2005. I Боть. 2005. 855 с.
9. Жангарын туульс. Сост. и предисл. У. Загдсүрэн. Улаанбаатар, 1968. С. 53–58.
10. Еренсей. Подготовка текста, перевод и примечания М.Н. Хомонова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. 207 с.
11. Халх ардын тууль. Подг. текста, предисл. и прим. Р. Нарантуяа. Улаанбаатар, 1991. 320 с.
12. Тюна В.И. Аналитика художественного: (введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт, РГГУ, 2001. 192 с.
13. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л.: Наука, 1989. 168 с.
14. Намжилова М.Н. Хоринские улигеры. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 120 с.
15. Неклюдов С.Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, 1984. С. 221–229.
16. Абай Гэсэр-хубун. Эпопея. (Эхирит-булагатский вариант). Подготовка текста, перевод и примечания М.П. Хомонова. Ч. I. Улан-Удэ, 1961. 230 с.
6. *Bum Erdeni. Dörvöd aman zohiolyn chuulgan*. Sost. B. Katuu. [Bum-Erdene. Collection of Derbet Folklore. Comp. by B. Katuu]. Ulaanbaatar, 2014. 215 p. (In Derbet)
7. *Aman zohiol sudlal. Sostavitel' i avtor predisloviya U. Zagdsuren* [Folklore Study. Comp. and Prolusion by U. Zagdsuren]. Ulaanbaatar, 1977. 233 p. (In Mongolian)
8. *Dzhangar: geroicheskij epos sin'czyanskikh ojrat-mongolov* [Dzhangar: Heroic Epos of Xinjiang's Oirat-Mongols]. Elst: APP “Dzhangar”, 2005, Vol. 1. 855 p. (In Mongolian)
9. *Zhangaryn tuul's. Sost. i predisl. U. Zagdsuren* [Epos of Zhangar. Comp. and by Prolusion U. Zagdsuren]. Ulaanbaatar, 1968. pp. 53–58. (In Mongolian)
10. *Erensej. Podgotovka teksta, perevod i primechaniya M.N. Khomonova* [Erensej. Preparation of the Text, Translation and Notes by M.N. Khomonov]. Ulan-Ude, Buryat Publishing House, 1968. 207 p. (In Russ., Buryatian)
11. *Halh ardyn tuul'. Podg. teksta, predisl. i prim. R. Narantuya* [Epos of the Khalkha. Preparation of the Text, Prolusion and Notes by R. Narantuya]. Ulaanbaatar, 1991. 320 p. (In Russ., Mongolian)
12. Туупа, V.I. *Analitika hudozhestvennogo: (vvedenie v literaturovedcheskij analiz)* [Artistic Analytics: (Introduction to Literary Analysis)]. Moscow, Labirint Publ., 2001. 192 p. (In Russ.)
13. Mal'tsev, G.I. *Tradicionnye formuly russkoj narodnoj neobryadovoj liriki* [Traditional Russian Folk Formula of Non-Ritual Lyrics]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 168 p. (In Russ.)
14. Namzhilova, M.N. *Horinskie uligery* [Epos of the Khori-Buryats]. Ulan-Ude, BNC SO RAN Publ., 1997, 120 p. (In Russ., Buryatian)
15. Nekludov, S. Yu. *O nekotoryh aspektah issledovaniya fol'klornyh motivov* [On Some Aspects of the Study of Folk Motives]. *Fol'klor i etnografiya: U etnograficheskikh istokov fol'klornyh syuzhetov i obrazov* [Folklore and Ethnography: At the Ethnographic Origins of Folklore Plots and Images]. Leningrad, Science Publ., 1984. pp. 221–229. (In Russ.)
16. Abaj Geser-khubun. *Epopeya. (Ekhirit-bulagatskij variant). Podgotovka teksta, perevod i primechaniya M.P. Khomonova. Ch. I* [Epic. (Ekhirit-Bulagat version). Preparation of the text, translation and notes by M.P. Khomonov. Part I]. Ulan-Ude, 1961. 230 p. (In Russ., Buryatian)

REFERENCES

1. Silantiev, I.V. *Poetika motiva* [Poetics of Motive]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2004. 296 p. (In Russ.)
2. Putilov, B.N. *Geroicheskij epos i dejstvitenost* [Heroic Epic and Reality]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 223 p. (In Russ.)
3. Baldaev, S.P. *Buryad aradaaj aman zohyooloj tüüberi* [Collection of Buryat Folklore]. Ulan-Ude, Buryat publishing house, 1960. 410 p. (In Buryatian)
4. Sharakhshinova, N.O. *Uligery buryat* [Epic of Buryats]. Ulan-Ude, Publishing House of BRC SB RAS, 2000. 153 p. (In Buryatian)
5. Burchina, D.A. *Geroicheskij epos unginskikh buryat: Ukazatel' proizvedenij i ih variantov* [Heroic Epic of Unga Buryats: Index of Products and Their Variants]. Novosibirsk, “Nauka” Siberian Publishing House, 2007. 544 p. (In Russ.)